

УДК 821.161.1'06-97.09 В. Биков

ТОПОС ДОМА В ЦИКЛЕ ПРИТЧ ВАСИЛЯ БЫКОВА “НЕПРИКАЯННЫЕ”

Вячеслав Короткевич

Могилевский государственный университет им. А. Кулешова, Беларусь

В статье рассматривается специфика топоса дома как национального образа-мотива и его преломление в цикле притч Василя Быкова “Неприкаянные”. Целью данного исследования является изучение конкретных примеров реализации этого топоса в белорусской литературе XX века, найти особенности топоса дома как компонента мифологической модели мира в психической парадигме белорусского писателя и показать это на примере работ Василя Быкова. Дом в современной прозе, с одной стороны, является разрушительным элементом (Утиная стая). С другой стороны, отчуждение от дома, пролонгация его локуса равна потере самого важного – потере корней, связей с прошлым (Неприкаянные, Обезбоженный народ).

Ключевые слова: топос дома, Василий Быков, белорусская проза, мифологическая модель, символ дома, притча.

Термин “топос” (греч. *τοπος* – место; лат. *locus communis*), пришедший к нам из античной логики (теория доказательств) и риторики (отвлеченное рассуждение, которое вставляется в речь на конкретный случай, предпосылки рассуждения), активно используется психологами¹, философами² и литературоведами. При всем многообразии литературоведческих определений топоса большинство сходно понимает под этим понятием некий стереотипный образ-мотив, шаблон, характерный для литературы одной нации или всего мирового литературного наследия [см.: 7, с. 1076; 8, с. 324; 9, с. 357].

Исследование топоса как культурного феномена тесно связано с исследованием традиционного и новаторского. Выявляя некие универсалии, характерные для произ-

¹ З. Фрейд в работах “Исследования истерии” (1895), “Толкование сновидений” (1900) вводит понятие психических топик. В данном случае речь идет о двух топиках: первая дает представление о расчленении сознания на бессознательное, предсознание и сознание, вторая – на три составляющие (Оно, Я, Сверх-Я) [6, с. 520].

² Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в “Словаре по психоанализу” указывают: “Интересно отметить, что в немецкой философии термином “топика” пользовался Кант. Для него трансцендентальная топика – это способ “... определение места каждого понятия <...> посредством суждения; учение, позволяющее в каждый данный момент установить, с какой познавательной способностью связано то или иное понятие” [6, с. 520]. Далее отмечается: “Можно было бы соотнести кантовское понятие “топика” с логическим и риторическим пониманием топик у древних и фрейдовской трактовкой психических локализаций. Для Канта логически правильное использование понятий зависит от нашего умения верно соотнести представления о вещах с той или иной способностью (чувственностью или рассудком)” [6, с. 524–525].

ведений разных писателей, для литературы разных народов или разных эпох, можно проследить за динамикой развития творчества писателя, национальной литературы, мирового литературного процесса конкретной исторической эпохи на уровне сюжетно-образной системы.

Вместе с тем, анализ топосов в контексте национальной культуры дает возможность выявить конкретные ментальные установки народа, его взгляд на ту или иную проблему, что особенно актуально для сохранения своей самобытности во время активного стирания границ между народами, активной глобальной интеграции и культурной ассимиляции.

Целью данной работы является исследование специфики реализации топоса дома в белорусской литературе конца XX в. на примере цикла притч Василя Быкова “Неприкаянные” (“Пахаджане”) (1999). Этой цели подчинены следующие задачи: выявление специфических черт топоса дома как компонента мифологической модели мира в ментальной установке белоруса и специфики преломления данного топоса в названном выше цикле Василя Быкова.

Дом – один из презентативных топосов белорусской культуры. В ментальном сознании белоруса дом – это сакральное место (“У сваім краі, як у раі”, “Свая хатка, як родная матка”, “У сваёй хаце і воцат салодкі”), где “как бы сосуществовали человек и Вселенная, внутреннее и внешнее, поэтому становились возможными перекодировки между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома”³ [1, с. 527].

В мифологических представлениях белорусов модель Вселенной совпадает с моделью дома: потолок-небо, средняя часть и фундамент-подземелье. Сакральность дома подтверждается многочисленными обрядами. Так называемые “строительные обряды” ориентированы на символическое повторение творения мира: перед постройкой дома хозяин обязан собрать с четырех полей (семантика четырех сторон света) по камню, положить их на четыре угла и попросить благословения у предков [1, с. 527]. Обожествление дома видится и в символическом жертвоприношении, которое выражается в первоочередном запусканьи в новый дом петуха или кота (кошки)⁴. Иногда и сам дом выступал в качестве жертвенного животного [1, с. 527].

Очень часто культурное сознание белорусов придает жилищу антропоморфные черты. Например, в декоративно-прикладном искусстве, в устном народном творчестве, в обрядовых действиях фиксируется ассоциация с окнами как глазами дома, с крышей как головой и т. д.

Особенно важным в контексте нашего исследования является ментальное представление о доме в парадигме “свое-чужое”. Татьяна Шамякина в книге “Мифология Беларуси” отмечает: “Для наших предков дом, деревня, хорошо освоенная территория – то же, что и космос: это свое, родное. Уже ближний незнакомый лес несет

³ Здесь и далее перевод с белорусского наш. – В. К.

⁴ Как отмечает исследователь белорусской мифологии Татьяна Володина, “у белорусов зафиксированы уникальные обычаи о семи жертвенных животных в порядке их сакрализации – от петуха до коровы и коня. Завершать ряд жертв мог и человек – на Гродненщине верили, что плотники “закладывают” чью-нибудь голову, или животного, или члена семьи, иначе умрет старший плотник” [1, с. 527].

(например, для ребенка) чужое, враждебное, черты хаоса” [10, с. 46]. Порог родного дома для белоруса – это разделительная черта между своим и чужим, освоенным и неизвестным, миром живых и миром мертвых, черта, которая имеет магическое значение⁵. Именно с порогом связано наибольшее количество обрядов жизненного цикла человека (рождение, свадьба, смерть).

Также отметим и тот факт, что дом как пространственное понятие в сознании белорусов чаще имеет локальный, замкнутый характер, но может и расширяться, обозначая не только конкретное строение, но и родную землю, Родину, при этом сохраняется сакральность дома. Этот факт дает возможность утверждать полисемантическую осмысленность топоса дома в ментальном сознании и культуре белорусов.

Подобную полисемантическую можно наблюдать и в художественных произведениях. В белорусской литературе конца XX в., во время эпохальной смены парадигм, замены модернистского моноцентризма на постмодернистский полицентризм, особую значимость приобретает топос дома. Одной из причин обращения писателей к топосу дома видится нам в желании сохранить аутентичность белорусского мировосприятия, что объясняется очевидными результатами современных процессов глобализации.

Что же касается цикла “Неприкаянные” В. Быкова, то в данном случае причины обращения к осмыслению дома как национального компонента модели мира, видимо, иные. В эту книгу вошли притчи⁶, написанные далеко за пределами родной для писателя Беларуси – в Финляндии и Германии⁷.

Топос дома имеет концептуально разную смысловую наполненность в книге “Неприкаянные”. Так, в рассказе “Хуторяне” (“Хутаранцы”) дом представлен традиционно для белорусской ментальности как локальное сакральное замкнутое пространство, где человек ощущает себя наиболее комфортно.

⁵ “Народная этика и мораль требуют от человека определенного поведения, чтобы не накликал на себя, на свой род беду. Нельзя, например, здороваться за руку или передавать что-либо через порог; нельзя неженатым садиться на порог, т. к. он – граница между миром “своим” и “чужим”. Пересечение границы всегда было небезопасным для человека: в далекие времена очень серьезно относились ко всем границам: как в пространстве, так и во времени (полдень, полночь, в Новый год)” [10, с. 46].

⁶ Отметим условность данного жанрового определения, учитывая, что “действительность в притче” предстает в абстрагированном виде, без хронологических и территориальных [здесь и далее в тексте выделено нами. – В. К.] примет” [7, с. 808]. В притчах же В. Быкова сквозь строк, смеем предположить, угадывается явная привязанность к сегодняшней Беларуси. Тут нельзя не согласиться с Сергеем Дубовцом, который в предисловии к книге “Неприкаянные” отмечает: “Далекий потомок может воспринимать это как просто антураж, который никак не касается его лично – его чувств и ощущений. Тогда останутся только вневременные психологические ситуации и представление про нашу эпоху, ее нравы. С другой стороны, типичный белорус всегда исходил из философского посыла “надейся на лучшее, а готовься к худшему”. И здесь быковская параллельная реальность захватывает именно этим – возможностью не пропасть, когда в полной мере ощутишь, какая прорва готова раскрыться под твоими ногами” [3, с. 7]. Сам В. Быков дает довольно расплывчатое авторское жанровое определение – “прыпавесць”.

⁷ Название одной из последних прижизненных книг В. Быкова очень четко определяет отношение В. Быкова-эмигранта к дому – “Долгая дорога домой” (“Доўгая дарога дадому”) (2003).

Здесь рассказывается о черте, который приходил к бедной семейке хуторян в человеческом облике и предлагал *“интегрироваться, потому что по-другому нельзя, весь мир интегрируется, нужна сила, чтобы противостоять тому миру”* [2, с. 36]. Избавилась семейка от черта при помощи древнего символа: *“И правда, с того времени навязчивый незнакомец ни разу не пришел на хутор, украшенный древним родным стягом”* [2, с. 38]. Позиция В. Быкова в данном случае довольно прозрачна и не требует, на наш взгляд, особых объяснений. Это, видимо, единственный во всем цикле оптимистический финал, что подтверждает мысль о невозможности спрятаться за стенами дома в неустойчивом мире и мощнейшем внешнем влиянии на жизнь отдельно взятой личности. Приход черта к хуторянам объясняется их пассивной жизненной позицией. В данном случае В. Быков далёк от осуждения своих героев, он скорее жалеет этих людей, которые вынуждены быть хуторянами, скрываться от чужого, неосвоенного пространства в своей хатке. Но чужое пространство не жалеет, и человек вынужден активно противостоять ему.

Дом у В. Быкова представлен чаще всего лишь как подобие замкнутого локального пространства, в котором живут или выживают герои. Центральной проблемой в цикле “Неприкаянные” является проблема выживания во враждебном человеку пространстве. Враждебность в данном случае – это результат собственной деятельности героев.

В притче “Утиная стая” (“Вуціны стагак”) локальное пространство дома является пространством деструкции. В данном случае неразумные утки гибнут в родном доме (озере), потому что так и не смогли оторваться от более сытного места, желудок полностью занял их сознание и притупил чувство опасности. Самоуверенность и нежелание прислушиваться к чужому мнению неминуемо ведет к гибели, гибели нелепой и бессмысленной (утки просто не улетели на зиму в теплые края): *“...Когда вновь наступила весна и усталые стаи гусей, журавлей и уток начали возвращаться из далеких теплых краев, они в озерной затоке не нашли никого.*

Только остатки мокрых пестрых перьев кое-где колыхались в тростнике и возле берега. То было все, что осталось от сытой беспечной утиной стаи” [2, с. 15].

Более того, В. Быков подчеркивает, что неправое большинство своей наглой самоуверенностью способно поколебать веру правого меньшинства: *“Селезень все больше оставался в одиночестве и иногда начинал сомневаться в своей правоте. А может и на самом деле мороза не будет? Не бывает же его на юге, куда летят птицы в теплые края”* [2, с. 14]. Прозрение, к сожалению, приходит всегда слишком поздно. С началом холодов в воздухе повисает уже риторический вопрос: “Теперь зачем корм?”. В. Быков специально подчеркивает одиночество селезня, повторяя при этом непреложную истину – нет Пророка в своем Отечестве.

Локус дома у В. Быкова дискретный по своей природе, включает в себя довольно разнородные дискурсы, локальные семантемы. Так, в притче “Неприкаянные” (“Пахаджане”) главными действующими лицами являются несчастные, которые идут неизвестно куда, их домом становится дорога⁸. Семантически расширяя локус дома

⁸ Отметим в данном случае явную перекличку со стихотворением Янки Купалы “Поезжане” (“Паэзджане”) (1918): *“Як у моры, ў белым снегу, / Без днявання, без начлегу, / Ў бездарожжжа, ў*

до бесконечности (дорога в данном случае выступает как открытое пространство), подчеркивается пессимизм и безверие, которые поразили большую часть общества на постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого века. Очень важной в данном случае нам видится параллель с библейским хождением еврейского народа⁹, имеющее вполне конкретную конечную цель, которая и была достигнута. В рассказе-притче “Неприкаянные” народ также ходит в поисках лучшей земли, но “*новые поколения в который раз убедились, что здесь [на новом месте. – В. К.] жить нельзя, нужно куда-то идти. <...> Все повторялось, как и раньше. Менялись только вожди.*

С того времени племя и ходит – с конца в конец. Пойти другим путем оно не может, потому что не знает куда. А этот закрепился в генной памяти поколений. Опыт неудач и мучений ничего не значит, потому что каждое поколение все начинает сначала” [2, с. 84–85].

Постоянные страх и тревожность, связанные с жизненной неопределенностью трансформируют человеческую психику. В. Быкова тревожит тот факт, что для целых поколений домом становится бесконечная дорога.

Тесным образом потеря родного дома связана с мотивом бродяжничества. Люди, сознательно разорвав замкнутость пространства родного дома, стремятся заново замкнуть его, но новое страшное внешнее пространство не дает им сделать этого, оно вынуждает целый народ жить в состоянии перманентного бесплодного поиска. Писатель сознательно сгущает краски, не оставляя людям никаких шансов на исправление ошибок.

Потеря дома приравнивается к потере себя. Когда человек перестает идентифицировать себя с какой-либо нацией, когда домом для него становится комната в отеле где-то на чужбине, космос не принимает его, такой человек обречен на вечное страдание. Так происходит с музыкантом в одноименном рассказе (“Музыка”). Всю жизнь этот человек прожил вдали от родной земли своего отца, в номере отеля: “*Только что делать ему в Европе, к которой он не имел никакого отношения, она не была его роди-*

беспрыстанне / Едуць, едуць паязджане. / Едуць, едуць, ані следу, / Ні праслуху, ні прагледу, / Ні прасвету, ні надзеі, – Ёсё ў зацьмішчы, ёсё ў завеі” [4, с. 52]; в переводе Э. Багрицкого на русский язык: “Как по морю, в пене снега, / Без костра и без ночлега, / В замороженном тумане / Едут, едут поезжане. / Едут... едут... след развеян... / Глуше, тише и темнее... / Ни надежды, ни просвета, / Только вьюга, только ветер” [5, с. 215].

⁹ “Сии суть слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам за Иорданом в пустыне на равнине против Суфа, между Фараном и Тофелом, и Лаваном, и Асирофом, и Дизагавом, в расстоянии одиннадцати дней пути от Хорива, по дороге от горы Сеир к Кадес-Варни. Сорокового года, одиннадцатого месяца, в первый [день] месяца говорил Моисей [всем] сынам Израилевым все, что заповедал ему Господь о них. По убииении им Сигона, царя Amorрейского, который жил в Есевоне, и Ога, царя Васанского, который жил в Аштерофе в Едреи, за Иорданом, в земле Моавитской, начал Моисей изъяснять закон сей и сказал: Господь, Бог наш, говорил нам в Хориве и сказал: “полно вам жить на горе сей! обратитесь, отправьтесь в путь и пойдите на гору Amorреев и ко всем соседям их, на равнину, на гору, на низкие места и на южный край и к берегам моря, в землю Ханаанскую и к Ливану, даже до реки великой, реки Евфрата; вот, Я даю вам землю сию, пойдите, возьмите в наследие землю, которую Господь с клятвою обещал дать отцам вашим, Аврааму, Исааку и Иакову, им и потомству их” [Втор. 1: 1–8].

ной, он даже ни разу не был там наездом. Другое дело отец, предки отца. Когда-то в детстве он слышал отцовский рассказ про яблоки “антоны”... <...> Но ни есть их, ни даже увидеть никогда не приходилось” [2, с. 166]. Здесь же, на чужбине, музыкант встречает свою смерть. После встречи с отцом и долгого путешествия по космосу он исчез: “Все глуше становилась жалобная мелодия, и он растаивал с ней вместе. Хотя себя физического он по-прежнему не чувствовал, как будто и не имел своего телесного Я. Но теперь начало чахнуть и его Я духовное...”

Так продолжалось, наверное, все же долго, а может и нет – он не чувствовал времени. Может, час, а может и год... И уже он осознал, что его самого в пространстве до мизерного мало. Краешек его бывшего Я. Все остальное засосала темень с далеким, как в начале, жалостным гулом, и звездным космическим блеском вверху.

А после не осталось ничего...” [2, с. 171].

Оригинально осмысляется дом и в рассказе “Обезбоженный люд” (“Абязбожаны люд”). Здесь рассказывается о народе, который, идя на поводу у своих вождей, покидает дома Бога (храмы) – перестает молиться настоящему Богу. Покинув храм единожды, в него очень трудно вернуться.

Более оптимистичен взгляд на действительность в рассказе “Солнце в окошке?” (“Сонца ў ваконцы?”). В данном случае также происходит отождествление дома и родной земли. Писатель стремится осмыслить ход определенного отрезка истории от идеи все поделить поровну до современной виртуальной действительности под воздействием ЛСД. Но в отличие от анализированных выше произведений В. Быков оставляет надежду на лучшее будущее: “Заглянет солнце и в наше оконце! Если откровенно того желать, то оно может и осуществиться. Конечно же, по законам реальности” [2, с. 64]. Вспомним, что окно является той магической границей, которая разделяет два мира. Солнце в окне – это символ светлой веры на лучшее.

Таким образом, анализ специфики реализации топоса дома в цикле притч В. Быкова “Неприкаянные” дает возможность утверждать следующее.

Дом как компонент модели мира в художественном пространстве В. Быкова представлен по-разному.

В единственном случае он сакрализуется и выступает как защитник человека перед напором внешних обстоятельств (“Хуторяне”). Подобное исключение является контрастом по отношению к общему пессимистическому настроению книги, пропитанной болью и обидой за свой дом, свою Родину.

В жестоком и бесчеловечном мире, где верх берет материальное, дом, с одной стороны, выступает как деструктивное начало (“Утиная стая”). С другой стороны, отрыв от дома, пролонгирование его локуса приравнивается к потере самого дорого – своих корней, связи с прошлым (“Неприкаянные”, “Обезбоженный люд”).

Вместе с тем, В. Быков далек от призывов дистанцироваться от внешнего мира, скрыться за прочными стенами своего дома. Символическое солнце в окнах дома (“Солнце в окошке?”) – это аллегория светлой надежды на лучшее будущее, без которой невозможно существование ни отдельно взятой личности, ни целого общества. Построение своего дома совершенно не исключает взаимодействия с внешним миром, а наоборот, свидетельствует о стремлении к конструктивному взаимодействию между соседями.

Книга притч В. Быкова – самого известного в мире современного белорусского писателя – “Неприкаянные” написана, в первую очередь, для самих белорусов, она отражает объективную белорусскую действительность XX – начала XXI вв. Согласимся с С. Дубовцом, который утверждает: “<...> *небезразличие* [Быкова. – В. К.] *к сегодняшней общественно-политической жизни страны, может быть, даже невольно, диктует ему стремление приблизить свои пророчества того самого худшего к сегодняшнему читателю и тем самым уберечь его от прорвы. <...> Вот тут и появляются притчи – эти сказки для взрослых, где на белорусской ментальной основе даются иногда совсем отвлеченные схемы того самого худшего, что может ждать неразумного человека и неразумный народ*” [3, с. 8–9]. Эта книга также является примером осмысления общелитературного топоса дома в белорусской национальной литературе.

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск, 2004. 2. *Быкаў В.* Пахаджане: Прыпавесці. Вільня, 1999. 3. *Дубавец С.* Па-над прорвай // *Быкаў В.* Пахаджане: Прыпавесці. Вільня, 1999. 4. *Купала Я.* Поўны збор твораў: У 9 т. Т. 4. Мінск, 1998. 5. *Купала Я.* Стихотворения и поэмы / Пер. с белорус. Минск, 1991. 6. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н. С. Автономовой. М., 1996. 7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М., 2003. 8. *Рагойша В.* Тэорыя літаратуры ў тэрмінах. Мінск, 2001. 9. *Халізов В. Е.* Теория литературы. М., 2000. 10. *Шамякина Т.* Міфалогія Беларусі: Нарысы. Мінск, 2000.

HOME TOPOS IN THE CYCLE OF PARABLES “AIMLESS” BY VASIL BYKOV

Viacheslav Korotkievich

The Arkadi Kuleshov State University in Mogilev, Belarus

The article discusses the peculiarity of home topos as a national image motif and its implementation in the cycle of parables “Aimless” by Vasil Bykov. The aim of this research is to study particular cases of the realisation of this topos in the Belorussian literature of the late 20th century in general, i.e. to find specific features of home topos as a component of mythological model of the world in the mental pattern of the Belorussian writer and to exemplify it by Vasil Bykov’s works. Home in contemporary prose, on the one hand, plays the role of a destructive element (Duck Flock). On the other hand, separation from home, prolongation of its locus equals to the loss of the most significant – one’s own roots and connection with the past (Aimless, Godless People).

Key words: home topos, Vasil Bykov, Belorussian prose, mythological model, symbol of house, parable.